Annotation

Купец Хирталамос за большие деньги нанимает Конана охранять ценного бойцового петуха. Три ночи киммериец проводит в доме купца, отражая все попытки уничтожить птицу.

- Михаил Ахманов
  -

Михаил Ахманов
Три петуха и милость Митры
(под псевдонимом Майкл Мэнсон)

Сытно рыгнув, не выпуская из рук литого серебряного кубка, Конан откинулся на подушки. Они оказались такими же мягкими, пушистыми, нежными, как и ковер, на котором он сейчас восседал, но барашек, только что поглощенный им, был еще нежней. Свиная нога, свежие карпы и утки, фаршированные орехами и черносливом, тоже не оставляли желать лучшего; ну а вино, аргосский нектар десятилетней выдержки, разительно отличалось от той кислой бурды, которой киммерийца обычно потчевали в таверне Абулетеса. Нет, что ни говори, этот Хирталамос, старая лиса, принимал его с великим почетом, как самого дорогого гостя!

Конан поднес чашу к губам, вдохнул терпкий аромат напитка, пригубил… "Жаль, кубок невелик! - подумалось ему. - Такое вино лучше пить кувшинами!" - Аргосское, охлажденное в родниковой воде, было отличным - как и все остальное в богатом доме купца Хирталамоса. Как и его пуховые подушки, узорчатые ковры, крепкие сундуки из кедровых досок, прекрасные жены и сладкая еда.

Сам купец и хлебосольный хозяин, осанистый и еще крепкий мужчина под шестьдесят, расположился сейчас напротив киммерийца, тоже с кубком в руке. Правда, пил он мало, а ел и того меньше, но гостя не торопил, вел пустые речи о погоде, о трех своих женах да ценах на базаре, и терпеливо ждал, когда Конан насытиться, чтобы перейти к делам. Какие дела могли быть у первейшего из шадизарских купцов к первому среди шадизарских грабителей, ведали одни боги. Конану, во всяком случае, то оставалось неизвестным.

Он допил вино, вытер влажные пальцы о шаровары синего шелка и выжидательно уставился на Хирталамоса.

– Доволен ли ты, сын мой? Снизошла ли радость к твоей душе? - спросил купец, огладив пышную бороду, которой умелый цирюльник придал изысканную форму трезубца.

– Доволен. И радость ко мне снизошла, - ответствовал Конан, придвигая поближе кувшин с аргосским. - Ты принимаешь меня с почетом, и я того не забуду. Кром! Клянусь, что целых полгода мой нож не вспорет ни одного вьюка, что везут вои караваны!

"Ну, не полгода, так месяц", - подумал он про себя, глядя, как хозяин покачивает головой в белом атласном тюрбане. Среди жуликоватых шадизарских торговцев Хирталамос отличался порядочностью и щедростью - что, однако, не мешало ему слыть человеком себе на уме. Хитрый старый лис, предпочитавший действовать честно - тогда, когда это сулило выгоду. С Конаном он держался с подчеркнутой уважительностью, точно принимал в своем богатом доме не разбойника, а принца из Бритунии или Турана.

Вот и сейчас, разгладив бороду, купец почтительно произнес:

– Благодарю тебя, отважный и крепкорукий. Ты молод, и ты недавно появился в Шадизаре, но всем уже ведомо, что ты - лев среди львов, и добыча твоя - добыча льва, а не шакала. А потому всякий торговец был бы рад услышать из уст твоих столь щедрое обещание. За это полагалось бы вознести жертвы трем богам сразу: сиятельному Митре, щедрому Белу и темному Ариману. Но я, однако, не беспокоюсь за сохранность своих тюков и пригласил тебя совсем по другому делу.

– Какому же? - Конан отодвинул кубок и взялся за горлышко кувшина. После сытной еды он испытывал такую жажду, что ее нельзя было загасить парой-другой чаш.

– Видишь ли, звезда доблести, надобно мне удалиться на три дня в Аренджун, принять там кое-какой товар… Ценный товар, очень ценный, и потому должен я позаботиться о его сохранности, взяв с собой большую часть моих приказчиков, слуг и стражей. Те бездельники, что останутся тут, стары и неповоротливы. Они, конечно, приглядят за моими богатствами днем, но вот ночью… Ночью эти помощники шакалов трусливей перепуганного зайца: и я боюсь, как бы по их нерадению недруги не причинили мне великих убытков. Вот и решил я посоветоваться с тобой, светоч отваги. Ведь верно сказано: сотня шакалов не заменит одного льва…

Конан прикончил кувшин, огляделся по сторонам и решил, что тревоги Хирталамоса отнюдь не беспочвенны. В доме его было чем поживиться! Даже выходившая во внутренний двор просторная терраса, на которой они пировали, поражала роскошью: везде - туранские ковры, серебряные да позолоченные лампады, алебастровые вазы из Коринфии и кхитаские фарфоровые безделушки. Слева, перед женскими покоями, ковры были особенно мягки и пушисты; там стояли три ложа, а под ними - сундуки, наверняка с богатыми одеждами хирталамосовых жен. Длинная терраса пятью ступенями спускалась в сад, зеленый и тенистый, с бассейном, цветниками и полудюжиной фонтанов. Жилище купца охватывало двор и сад с юга, а с севера виднелось за деревьями еще какое-то строение из желтого кирпича, соединенное с домом с обеих сторон высокими, в два мужских роста стенами и огороженное решеткой. За ней бродили довольно крупные птицы с ярким оранжево-золотистым оперением; как показалось Конану - петухи. Это его слегка удивило: в садах у шадизарских вельмож обычно разгуливали фазаны и павлины. С другой стороны, почтенный Хирталамос был все же купцом, а не благородным нобилем, и, вероятно, его тщеславие не простиралось дальше петухов.

– Да, сотня шакалов не заменит одного льва, - повторил хозяин, придвигая гостю новый кувшин аргосского, - и потому, светоч силы, решил я обратится к тебе. Нет клинка в Шадизаре быстрей твоего, и клинок тот - в крепких руках… да, в крепких и искусных… А еще говорят, что видишь ты в темноте, как пантера из вендийских лесов, и что боги даровали тебе такую мощь, какой не владел ни единый сын человеческий со времени Великого Потопа… Верно ли это? - Купец, прищурившись с хитринкой, оглядел могучую фигуру киммерийца.

– Погляди и убедись, - буркнул тот, протягивая руку к массивной серебряной чаше. Мгновение - и стенки ее смялись в огромном кулаке, словно вылепленные из сырой глины. Затем Конан посмотрел на свой меч, лежавший у правого колена, но вынимать его из ножен на стал: тут, на веранде, среди ковров и хрупких сосудов, не имелось ничего, на чем можно было бы продемонстрировать свою силу.

Он поднял взгляд на Хирталамоса и произнес:

– Клянусь Кромом! Ты, похоже, собираешься нанять меня охранником?

– Хранителем, сын мой, почетным хранителем! Что есть охранник, что есть сторож, страж? Наемный пес, и только! Пфа! - купец презрительно фыркнул. - Ты же три ночи будешь хранителем самого главного моего богатства, самого ценного имущества, самых дорогих надежд, что важней мне остатка жизни!

"О женах он, что ли, говорит?" - подумал Конан, покосившись влево. Там, на окнах, глядевших в сад, чуть заметно колыхались полупрозрачные шторы, а за ними сверкали три

пары горячих женских глаз. Из предыдущего разговора он уже знал, что жен у почтенного Хирталамоса целых три; все они были молоды и хороши собой. Белокурую Лелию купец вывез с севера, из гандерланда, черноволосую кхитаянку То-Ню приобрел в Шангаре, на невольничьем рынке; что касается рыжей Валлы, то она была местной, заморанкой. Судя по мягким коврам да сундукам с нарядами, жилось им у Хирталамоса неплохо, но молодой гость все же привлекал жадные женские взоры. И немудрено: хоть Конану еще не исполнилось двадцати, в Шадизаре допрешь не видывали мужчин такого роста и богатырской стати. Да и слава киммерийца, репутация отчаянного рубаки, человека добычливого, удачливого и щедрого, привораживала женщин; видать, Лелия, То-Ню и Валла о делах его были понаслышаны предостаточно, и теперь, схоронившись за занавесками, глаз с гостя не спускали.

Конан хмыкнул, сделал глоток из кувшина и уперся взглядом в трехзубчатую бороду Хирталамоса.

– Так что же я должен хранить? - спросил он. - Само собой, за хорошую плату, достойную моего меча! Стереть твою лавку? Твой дом? Твои сундуки? Или твоих жен?

– О плате, мой северный тигр, ты можешь не беспокоится: она будет щедрой, как весенний дождь, и прольется не медью, не серебром, но золотом. Хранить же ты должен не лавки и не сундуки, не домой мой и не трех вертихвосток, от коих у меня уже побаливает поясница… - тут Хирталамос с нарочитым кряхтением принялся растирать означенную часть тела. Закончив с этим, он устремил взор на желтокирпичное строение, маячившее за деревьями, и внушительно произнес: - Нет, сын мой, не о сундуках, и женах веду я речь, а о Фиглатпаласаре Великолепном, посвященном самому солнцеликому Митре!

– Фиг… Фигля… - начал Конан, но запутался и сплюнул с досады. - Это кто ж таков? И при чем тут Митра?

Купец со вздохом поднялся и махнул рукой в глубь сада.

– Лучше узреть сокровище, чем услышать о нем, - со значительной миной произнес он. - Пошли, клинок ярости, пошли - и ты узришь! Увидишь то, что в скором времени может сделаться благословеньем божьим, коль так порешит великий Митра!

Конан молча отставил кувшин и через мгновение оказался на ногах. Любопытство его было возбуждено; ему хотелось знать, что же в этом доме, полном богатств, дорогих товаров и красивых женщин, считалось главным сокровищем. Вслед за Хирталамосом он спустился во двор, пересек посыпанную чистейшим песком площадку, миновал выложенный карпашским мрамором бассейн, фонтаны и пышные цветники, обогнув заросли вечнозеленого кустарника с торчавшими вверх серыми стволами кипарисов и оказался перед решеткой, ограждавшей довольно большой загон. Решетка эта оказалась высока, и от верхнего ее края до самой крыши желтокирпичного здания была растянута прочная сетка. Подобно неводу, нависшему над дном морским, она прикрывала весь загон, по которому бродили птицы - так, что ни одна из них не могла вылететь наружу.

Осмотрев загон, киммериец понял, что не ошибался, разглядывая его обитателей с террасы: перед ним были петухи - большие рыже-золотистые птицы, с алыми гребнями и голенастыми лапами, украшенными острым стилетом шпор. Клювы их немногих не дотягивали до ястребиных, глаза горели боевым огнем, длинные хвосты, изогнутые, как лук кочевника, мели дворовую пыль; то и дело две, три или четыре птицы, растопырив крылья, с клекотом наскакивали друг на друга или, пригнув головы к земле, начинали яростно шипеть, взрывая землю когтистыми лапами. Судя по тому, что в загоне стояло множество корыт с

водой, зерном и мелко нарубленным свежим мясом, ссорились забияки не из-за еды; просто им хотелось подраться.

Хирталамос щелкнул засовом и отворил калитку, за которой начиналась дорожка, огражденная с обеих сторон. Хозяин и гость, провожаемые гневным шипеньем петухов, направились по ней к широким, распахнутым настежь воротам. Сквозь них можно было оглядеть внутренность желтокирпичного строения - сотню кур, расположившихся за перегородкой слева и мирно сидевших в корзинках-гнездах, и тянувшиеся справа деревянные насесты для петухов. Посередине оставалось довольно обширное пространство, разгороженное на клетки-загончики; здесь же, неподалеку от входа, стояли чугунная печь и топчан с толстыми шерстяными кошмами.

Купец с гордостью обозрел птичье царство, и черты его, как показалось Конану, враз переменились: зубы блеснули в улыбке, морщины на лбу разгладились, щеки порозовели - словно в этом месте он ощущал некое умиротворение и благостную надежду.

– Вот! - задрав бороду вверх, Хирталамос величественным жестом вскинул руки. Полы его халата распахнулись, белоснежный тюрбан съехал на затылок, глаза же, доселе выцветшие и равнодушные, вдруг вспыхнули - точь-в-точь как у бродивших в загоне петухов.

– Вот! - повторил купец, в упоении потрясая сжатыми кулаками. - Вот!

Лицо его сияло; казалось, еще немного, и он начнет творить молитву всем богам сразу. Но Хирталамос безмолвствовал, будто слова не могли выразить всю торжественность момента, всю важность происходящего. Впрочем, Конан уже и сам догадался, что именно предстоит ему охранять. Брови киммерийца поползли вверх, рот растянулся до ушей; не выдержав, он фыркнул и пробормотал:

– Клянусь печенью Крома! Никак, ты желаешь, чтоб я три ночи просидел в твоем курятнике? И готов платить за это золотом?

– Курятник? - переспросил купец. - Сия обитель священных существ, сын мой, не курятник, а воистину преддверие чертогов Митры! Все солнечные птицы тут дороги, все хороши, но главное сокровище - Фиглатпаласар Великолепный, коего должен ты беречь и хранить три ночи пуще зеницы ока своего! - Хирталамос протянул руку, указывая на петуха, что сидел в отдельном загончике, за чугунной печкой. - Фиглатпаласара доставили мне только что из офирской столицы Ианты, и воистину он - петух среди петухов! Цена ему - тысяча золотых, и лучшего бойца еще не видел Шадизар. Разумеется, если не считать тебя, ятаган гнева, - купец почтительно склонил голову в сторону Конана.

Несколько мгновений киммериец размышлял, не является ли насмешкой это сравнение с петухом, но глаза Хирталамоса горели таким неподдельным восторгом, что об иронии и речи быть не могло. Решив, что почтенный старец слегка повредился умом, Конан сунул ладони за свой широкий пояс, расправил плечи и принялся разглядывать драгоценного офирского петуха. На вид этот Фигля Великолепный ничем не отличался от своих собратьев, бродивших по двору: так же царапал подстилку когтями, выгибал шею, тряс гребешком и глядел злобно. Однако, несмотря на эти боевые курбеты и отличную упитанность петуха, Конан никак не мог поверить, что за него отдали такие деньги. Тысяча золотых! Великий Кром! Да это же целый сундук с монетой! Цена десяти боевых жеребцов, самых породистых, самых резвых и быстрых! Похоже, достойный Хирталамос и впрямь лишился разума!

– Я вижу, ты поражен, сын мой, - произнес купец, не спуская восхищенного взора со своего сокровища. - Но вспомни, что через пять дней, считая с нынешним, начинается священный рахават. Ты недавно в Шадизаре и, я полагаю, еще не знаешь, чем знаменит сей

светлый праздник?

Конан пожал могучими плечами и презрительно сплюнул - прямо на решетку, за которой в боевом раже бесновался Фиглатпаласар Великолепный.

– Чем знамениты все святы праздники? - буркнул он. - Одни, жрецы-хитрецы, бью поклоны; другие, дурни, несут монету хитрецам… Ну, а люди вроде меня стригут и дурней, и хитрецов! Вот и все, клянусь кишками Нергала!

– Не поминай злого демона, сын мой! Не поминай, когда мы говорим о рахавате! - купец всплеснул пухлыми руками. - Пусть Нергал пребывает в царстве смерти, на Серых Равнинах, и не тревожит наши сны… Вот и все о нем! Я же поведаю о шадизарских обычаях, кои тебе, доблестный муж, пока что неизвестны. Так вот: справляют у нас два великих праздника - ракабор, благословенный хитроумным Белом, покровителем тех, кто живет торговлей и воровским ремеслом, и рахават, когда чествуют светлого Митру, Подателя Жизни, Отца Всего Сущего. В ракабор выпускают гончих псов Бела, чтобы обежать вокруг городских стен, дабы стояли они незыблемо и прочно; во время же рахавата бьются у святилища Митры петухи - бойцовые птицы офирской породы, коих ты видишь перед собой. И ты, конечно, уже заметил, что оперенья у них алое и золотое, хвосты изогнуты серпом, а в глазах горит пламя - и по всем этим признакам, и по многим другим, о коих я не буду сейчас толковать, считаются эти петухи посвященными Солнцу, Светлому Оку Митры. Победительно же боев в честь рахавата превращается в драгоценный сосуд, средоточие всех божественных милостей, созданием священным и почитаемым, ибо он - избранник Подателя Жизни! Понимаешь, сын мой?

– Чего ж не понять, - ответил Конан, и раньше слышавший кое-что о веселом рахавате и петушиных боях. Он только не знал, что победитель в тех птичьих сражениях считается святым созданием и стоит тысячу золотых. Или еще больше; ведь Хирталамос уже заплатил тысячу за этого Фиглю, а тот пока что не был чемпионом.

Киммериец вновь уставился на петуха. Тот глядел в ответ с нескрываемой злобой, явно подозревая, что Конан готовится то ли выщипать ему хвост, то ли изнасиловать всех кур в курятнике; крылья птицы топорщились, клюв был грозно приоткрыт.

– Ну, - сказал Конан, налюбовавшись, - победит твой петух, и что дальше? Подарить его жрецам? Или продашь втридорога?

Купец снова всплеснул руками.

– Что ты, мой доблестный страж! Кто же продает свое счастье? Птицу, на которой почил взгляд Солнцеликого? Нет, я не собираюсь ни дарить его, ни продавать. Если Фиглатпаласар победит - а он победит непременно, коль не помешают гнусные происки недругов - то быть ему главным украшением пира в последний день праздника. Я съем его, сын мой, схем почтительно, но без остатка, ибо вкусивший плоти обретает все божественные милости. Будет он крепко телом, удачлив в делах и любим женщинами! Скажи, разве это не стоит тысячу золотых?

– Стоит, - согласился Конан, подумав, что телесное укрепление Хирталамосу отнюдь не повредит. Без помощи Митры старому жеребцу нелегко управиться с тремя молодыми кобылицами! Да и с божественной поддержкой тоже…

Тут он усмехнулся про себя, подмигнув Фиглатпаласару Великолепному и сказал:

– Ну, теперь мне ясно, отчего ты так дорожишь этим офирским чучелом. И, клянусь Кромом, наверняка кто-то еще точит на него зубы! Иначе не стал бы ты меня нанимать.

– Разумеется, сын мой, разумеется! - подхватил купец. - Видишь ли, есть в Шандарате и

другие отличные бойцы - к примеру, у почтенного Гиндоруса, торговца шелком, у караванщика Кадкура и у благородного Пирия Флама. Флам - да будет проклято его имя! - владелец Ниделрага Неутомимого, и этот Ниделраг, без сомненья, выиграл бы все бои, если б не мой Фиглатпаласар. Но теперь, когда мне привезли лучшего из офирских петухов, надеждам Флама конец! Да, конец! И боюсь, - добавил купец со вздохом, - что он это понимает и не собирается смириться с поражением.

– Ты хочешь сказать… - начал Конан.

– Да, да, отважнейший! Флам - честолюбивый человек и, как я, немолод годами… Он пойдет на все! Он постарается уничтожить Великолепного, мою гордость, мое сокровище! Ведь Пирий Флам - землевладелец и благородный нобиль, а я - купец, всего лишь купец; и Флам полагает, что купцу не положено быть первым в глазах Митры. Ну, а коль купец пожертвовал тысячу золотых, чтоб удостоится милостей бога, обрести удачу и женскую любовь, то такого купца следует поставить на место!

– Боишься, что он нападет на твой курятник?

– Конечно! Он не сделает этого в светлое время дня, и он не пошлет своих людей, ни рабов, ни стражников… Но уже ходят слухи, что Пирий Флам нанял шакалов Сагара, безбожников и душегубов без совести и чести… Спрашивается, зачем? - Хирталамос выдержал паузу и горестно молвил: - И в такое опасное время дела призывают меня в Аренджун! Что же делать? Кого могу я избрать хранителем божественной птицы? Только лучшего воина в Шадизаре - тебя, доблестный! Тебя, лев среди львов!

Конан, нахмурясь, кивнул. Имя Сагара Рябой Рожи было известно киммерийцу не понаслышке; случалось, тот перебегал ему дорожку, случалось и наоборот. Сагар отличался хитростью змеи и коварством гиены, а также и не жаловал чужаков, всяких пришельцев из Бритунии, Немедии, Турана или Киммерии, стекавшихся в Шадизар, воровскую столицу всех хайборийских земель; в бане у него были только местные заморанцы. Два десятка лихих головорезов, коим что человека прикончить, что священному петуху шею свернуть - все едино! Но Конан сагаровых молодцов не боялся - ни по одиночке, ни всех взятых вместе. Шакалы, они шакалы и есть! Прав Хирталамос, старая лиса!

Что ж, решил киммериец, поглядывая на своего нанимателя, совсем неглупая мысль пришла в эту голову под белым атласным тюрбаном! Спустить льва на стаю шакалов с гнусной гиеной во главе! Завтра об этом примутся толковать во всех шадизарских тавернах да кабаках, по всем базарам, лавкам и постоялым дворам, в каждом притоне воровского квартала! Всяк узнает, что благородный Пириф Флам нанял для охраны Неутомимого двадцать сагаровых ублюдков, а купец Хирталамос доверил свое сокровище всего лишь одному человеку - Конану из Киммерии!

Один против двадцати! Ха! Ради такого развлечения стоило постеречь три ночи хирталамосов курятник! Даже два курятника - с курами и с купеческими женами! Но, само собой, за хорошие деньги!

Конан еще раз подмигнул петуху, взиравшему на него с прежней яростью и подозрением, и сказал:

– Ладно! Я согласен, достопочтенный. Теперь поговорим о плате.

– Пять золотых в ночь, - быстро произнес купец.

– Хмм… Десять!

– Десять… Большие деньги, сын мой! Дорого!

– Милость Митры стоит дороже.

– Тут ты прав, - Хирталамос на мгновение призадумался, улыбаясь каким-то своим мыслям, потом решительно взмахнул рукой: - Хорошо, пусть будет десять!

– И еще по десять за каждую голову, если мне придется поработать мечом. Десять монет за одного мерзавца из шайки Сагара - вполне приемлемая цена, клянусь Кромом!

– Согласен, - сказал Хирталамос, тяжко вздохнув.

– Еще - кувшин вина в ночь. Аргосского!

– В вине недостатка не будет. А прикажу слугам.

– Прикажи. Теперь насчет денег…

– Что насчет денег? - встрепенулся купец.

– Половину - вперед, - уточнил Конан.

Хирталамос, сдвинув тюрбан на лоб, почесал в затылке.

– Половина - это сколько, сын мой?

Теперь задумался Конан, погрузившись в сложные расчеты.

– Ну, двоих-то я всяко уложу, - сказал он наконец. - Так что с тебя, почтенный, двадцать пять кругляшей.

Они ударили по рукам и направились к дому, провожаемые воинственными воплями офирских петухов. Когда Конан шагал мимо женского покоя, шелковые шторы чуть раздвинулись, и три пары прелестных очей впились в его лицо. У белокурой Лелии глаза были голубыми, как летнее небо над Гандерландом; у черноволосой То-Ню - темными, словно кхитайский агат; что касается рыжей Валлы, местной заморанки, то очи ее сияли чистым изумрудом.

Конан хмыкнул, подумав, что в сей курятник тоже стоит заглянуть. Ночи в Шадизаре были долгими, и он надеялся, что поспеет повсюду.

Много ли времени нужно льву, чтоб выпустить кишки двадцати шакалам?

* * *

Тем же днем, ближе к вечеру, киммериец сидел в таверне Абулетеса за кружкой кислого вина. Разумеется, сей напиток не шел ни в какое сравнение с аргосским, но Конан не сомневался, что завтрашней ночью аргосское от него не уйдет. Как те три купеческие жены!

А пока что он неторопливо цедил кислятину, поглядывал на туго набитый кошелек, лежавший у правого локтя, и размышлял о всякой всячине. Например, о том, куда направиться после ужина: или в свою берлогу в лабиринтах Пустыньки, шадизарского воровского квартале, или в один из развеселых домов с красотками, где за ночь можно было спустить все золотые Хирталамоса, или на промысел - скажем, к тому же Гиндорусу, торговцу шелком, к караванщику Кадкуру либо к самому благородному Пирию Фламу, счастливому владельцу Ниделрага Неутомимого.

Кубок его почти опустел, когда в таверну ввалились четверо заморанских молодцов, один другого страшнее. Первому милосердный топор немедийского палача сохранил голову, лишив ее, однако, ушей; второму в Бритунии выбили глаз и располосовали ножом щеку; третьему вырвали ноздри - так в Туране каралась попытка украсть овцу. Что касается четвертого, то он пока свел близкое знакомство с оспой. Этот тощий рябой заморанец и был главарем, тем

самым Сагаром, вступившим на службу к конкуренту почтенного Хирталамоса. Конан, одарив его угрюмой ухмылкой, решил, что соперник появился у Абулетеса не зря; видать, уже что-то разнюхал и захотел удостовериться в своих подозрениях.

Усевшись в десяти локтям гот киммерийца, Сагар грохнул кулаком по столу и гулким басом, неожиданным для такого тощего человечишки, проревел:

– Эй, Абулетес, гнилая крыса! Жратвы и вина! Только не пытайся подсунуть нам ту собачью мочу, которой провоняла половина твоих бочек!

Три заморанских головореза расхохотались, а Конан скривился. Сагара Рябую Рожу он не любил и полагал, что собачья моча вместо доброй выпивки будет тому в самый раз. А еще лучше - ослиная! От всех ослов, что пасутся на землях Пирия Флама!

Тем временем на столе перед компанией Сагара возникли блюда с дымящейся бараниной и с жаренными на вертеле курами; за ними появились кружки с вином - точно таким же, как у Конана. Безухий и Рваная Ноздря, вытащив длинные заморанские кинжалы, приступили к жаркому, Кривой жадно ухватил курицу, а Рябая Рожа потянулся к чаше, желая, видно, смочить глотку, скользнув взглядом по тугому кошельку у локтя Конана, затем с ехидной усмешкой уставился на киммерийца, будто увидел его только сейчас. Разумеется, то было неуклюжее притворство, так как такого исполина с мечом в четыре локтя длинной не заметил бы только слепец.

– Ха, северянин! - прищурившись, пробасил Сагар. - Спускаешь золотишко старого козла Хирталамоса? А вдруг тебе не удастся его отработать? Вдруг не устережешь петуха?

– Может, не устерегу, - сказал Конан, поглаживая рукоять своего клинка. - Но Хирталамос платит не за одну лишь охрану. Мне обещано еще по десять золотых с головы, а тут я вижу целых четыре.

Сагар покосился на меч киммерийца. Этот клинок шириной в ладонь выглядел куда внушительней заморанских кинжалов, а владелец его мог снять четыре головы с той же легкостью, с какой петух склевывает червяка. Помня об этом, Рябая Рожа выдавил примирительную улыбку и пробурчала:

– Мы ж еще не в курятнике Хирталамоса, а в кабаке, северянин. Тут всякий может посидеть, поболтать и выпить в собственное удовольствие… Разве не так?

– Так, - согласился Конан, продолжая ласкать перекрестье своего клинка. - Так! Будь мы не в кабаке, а курятнике, я бы с тобой по иному разговаривал, падаль! Выпустил бы кишки с печенью да положил в холодке, чтоб не протухли за три дня… Десять монет, знаешь ли, большие деньги!

Сагар смерил его тяжелым взглядом, затем поднялся, взял с блюда жареную курицу и повертел перед носом Конана.

– Вот что будет с твоим петушком, киммериец. Клянусь задницей Иштар! Когда я берусь за дело, всегда пахнет жареным.

– Когда я берусь за дело, пахнет кровью! - Конан тоже встал и резким ударом вышиб курицу из лапы Сагара.

Заморанец отшатнулся, скрипнув зубами; рука его метнулась к кинжалу. Однако, покосившись на троицу подручных, что с показным усердием трудились над жарким, он решил, что время сводить счеты еще не пришло. Злобно пнув курицу ногой, Рябая Рожа пробасил:

– Гляди, киммериец, встретимся! Встретимся! И запомни: ты - один, а нас - двадцать! И нет у тебя помощников, кроме рыжего петуха!

– Вот мой помощник! - Конан хлопнул ладонью по мечу, сгреб со стола кошелек, потом наморщил лоб, припоминая слова Хирталамоса, и свирепо оскалившись, прорычал: - Двадцать шакалов и вонючая гиена не заменят льва! Так что береги шкуру, ублюдок!

С тем он и вышел из таверны, позванивая кошельком, где на разные голоса весело пели золотые монеты купца Хирталамоса.

* * *

На следующее утро почтенный Хирталамос отбыл с попутным караваном, в сопровождении своих приказчиков, слуг и дюжих охранников-бритунцев. Видно, товар, который он собирался привезти из Аренджура, был еще подороже драгоценного офирского петуха, ибо с купцом отправились не только все его стражи, но еще и три десятка туранских всадников, нанятых в конвой. Конана это удивило: казалось бы, что может сравниться ценой с Милостями Митры, обещавшего крепость тела, удачливость в делах и любовь женщин! Ну, решил он, у Хирталамоса свои дела и расчеты; скажем, желает он успеть и там, и тут, не упустив ни петуха, ни аренджурские товары.

По городу тем временем уже гуляли слухи о вчерашней сделке - потому ли, что утаить в Шадизаре что-то всегда оказывалось задачей непростой, или, быть может, сам Хирталамос эти слухи и распустил, для устрашения соперников и конкурентов. Так или иначе, но все торговцы и купцы, все солдаты местного гарнизона, все благородные нобили и прилежные ремесленники, все разносчики с базара, вся шадизарская шваль, от бандитов до убийц до последнего нищего - словом, все, абсолютно, все знали, что петуха почтенного Хирталамоса охраняет Конан из Киммерии, а петуха достойного Пирия Флама стерегут сагаровы головорезы. И не только стерегут, но еще собираются свести счеты с грозным киммерийцем - не позже, как этой ночью.

Вот почему, когда Конан с вечерней зарей отправился в дом Хирталамоса, его провожали любопытные взгляды и явственно различимый шепоток. Шадизарцы гадали, судили и рядили, чем кончится грядущая ночь: победой купца Хирталамоса или торжеством благородного Пирия Флама. Дела могли повернуться и так, и этак, ибо всем и каждому было известно, что киммериец силен и свиреп, как барс, а люди Сагара многочисленны и хитры. Во всяком случае, как полагало большинство жителей славного Шадизара, дело без крови не обойдется.

Конан тоже так считал, а потому запасся кроме меча несколькими метательными ножами и остро заточенным крюком на веревке - страшным оружием в умелых руках. Когда один из остававшихся в доме прислужников Хирталамоса провел его к птичнику, киммериец первым делом подготовил к бою весь свой арсенал: разложил клинки на чугунной печке, оставив пару за поясом, крюк повесил у калитки, обнаженный меч пристроил на топчане, заваленном кошмами. Как объяснил старый слуга, петухи из Офира предпочитали тепло, и если ночь была холодной, полагалось растопить печку. У толстых шерстяных кошм назначение оказалось иным; их держали не ради тепла, а чтоб пеленать и переносить петухов. Без такой предосторожности можно было лишиться глаза - рыжие офирцы свирепостью и силой не уступали разъяренному лесному коту.

Закончив с подготовкой, Конан отодвинул топчан в темноту, поближе к клетке Фиглатпаласара, подальше от факела, чадившего при входе, и уселся. Меж ног у него стоял объемистый кувшин с аргосским; слева в корзинках-гнездах дремали куры, справа, на насестах, застыли смутными тенями петухи, сзади посверкивал яростным глазом Великолепный - комок перьев с хвостом, изогнутым наподобие ятагана. Сквозь распахнутые ворота киммериец видел сад, озаренный луной, и террасу, на которой они пировали вчера с Хирталамосом; около женских покоев в высоком серебряном шандале горели три свечи. Все было тихо; ни шороха, ни скрипа песка под ногами, лишь изредка какой-нибудь петух сипло вскрикивал во сне.

Конан сидел в полной неподвижности, пока серебристый диск луны не поднялся над вершиной ближайшего кипариса. Тогда, нашарив у колена кувшин, он сделал пару-другую глотков, а потом пнул ногой решетку, за которой темнел силуэт Великолепного.

– Хочешь выпить, приятель?

Петух завозился и что-то негромко забормотал. Решив, что это знак согласия, киммериец плеснул ароматный напиток в ладонь и просунул ее сквозь прутья загородки. В следующий миг железный клюв впился ему в палец, и Конан с проклятьем одернул руку; в ладони его вино перемешалось с кровью.

– Поганая ты тварь! - заметил он, обтерев руки и приложившись к кувшину. - Не хочешь пить, не надо и пасть разевать! Или у вас, в Ианте, все трезвенники? Неприятное должно быть местечко, коли так.

– Кррр… - ответил петух, - кррр…

– Кррр! - передразнил Конан, - кррр! Что каркаешь, недоумок? Фигля, ворона недорезанная!

Сравнение с вороной, видимо, возмутило петуха; он снова завозился за решеткой, вытянув голову, пытаясь достать до конанова колена.

– Свернул бы я тебе шею, если б не десять золотых в ночь, - признался киммериец. - Ну, ничего, отродье Нергала: сперва ты всех заклюешь, а потом тебя клюнут… долбанут по темени, и в котел! Чтоб, значит, выварить из тебя все милости Митры…

Фиглатпаласар протестующе захрипел, взрывая землю лапами и топорща гребень.

– Не хочешь? - спросил Конан. - Понимаю, что не хочешь, клювастый огрызок! Только от судьбы не уйдешь, и лучше, что стоит тебе сделать - напиться в прах! Может, в Ианте ты вина и не нюхал, но тут, в Шадизаре, пьют все, даже самые распоследние ослы. А ты, рыжая немочь, все ж не осел, ты - петух! С чего бы тебе не пить, а? Давай-ка…

Он собирался снова плеснуть вина в ладонь, но замер, уловив, как металл слабо скребет по камню. Звуки доносились справа, от западной стены, что шла меж птичником и домом Хирталамоса. Похоже, на нее сейчас забрасывали железные крюки - такие же, каким вооружился Конан. Крюк с веревкой был необходимой принадлежностью воровского ремесла; с его помощью шадизарские искусники взбирались на башни и крыши домов, чтобы затем свалиться на головы ничего не подозревающих хозяев. Конан, сызмальства лазавший по скалам в родной Киммерии, с легкостью овладел всеми необходимыми трюками, однако сейчас они выручить его не могли: он находился в положении хозяина, а не вора.

Но у хозяина тоже есть кое-какие преимущества - особенно если он предупрежден и ждет нападения. Прихватив с печки пару метательных ножей, киммериец взял свой клинок, неслышной тенью проскользнул в ворота, миновал калитку в изгороди и распластался за кустом. Свет факела сюда не доставал, зато ворота и стену птичника можно было разглядеть

во всех подробностях. На миг это вытянутое с запада на восток желтокирпичное строение показалось Конану огромным капканом с разинутой пастью входа; там, внутри, находилась приманка, драгоценный петух ценой в тысячу монет - тогда как сам он, со своими ножами и клинком, является будто бы железным клыком ловушки. Он ждал, чтобы захлопнуть ее.

Справа метнулись тени - одна, другая, третья… Восемь призраков в темных плащах пробирались через сад, ступая неслышно, двигаясь с настороженной стремительностью профессионалов; лица их скрывали капюшоны, кривые заморанские кинжалы поблескивали в руках. Конан, видевший в темноте, как кошка, заметил, что трое или четверо несут дротики. Это было самым неприятным; сам он мог увернуться от летящего копья, но от Великолепного не стоило ожидать такой же прыти.

Слева, от восточной стены, тоже донесся тихий скрежет; значит, люди Сагара пытались обложить добычу с обеих сторон. Конан решил, что медлить более нельзя. Привстав на колене, он быстро метнул оба ножа, целясь в дротиконосцев; затем бросил еще два - те, что торчали за поясом. Несмотря на темноту, каждый клинок разыскал чью-то спину или шею: четыре фигуры в просторных плащах будто сломались, сложились пополам и исчезли. Киммериец расслышал только слабые стоны да всхлипы - последнее стенание душ, отлетавших на Серые Равнины, в царство Нергала.

Выскочив из-за куста с обнаженным клинком, он обрушился на оставшуюся в живых четверку. Крепкие мышцы и длинный тяжелый меч давали ему неоспоримое преимущество, однако противники были ловки и сражались с яростью попавших в ловушку шакалов. Двое, размахивая кривыми кинжалами, сдерживали натиск киммерийца; двое других обошли его слева и справа, и, не вступая в схватку, шарили под плащами. Сообразив, что у них тоже есть метательные ножи, Конан рухнул на землю. Над ним что-то свистнуло; мгновенно вскочив, он сильным ударом рассек череп одного бандита и отпихнул ногой другого.

Ночь наполнилась звоном стали, тяжким дыханьем сражавшихся, шарканьем ног и треском сломанных ветвей. Однако киммериец и его враги молчали; не в обычае мастеров воровского ремесла испускать боевые вопли. Схватки их была не сражением воинов, а поединком бандитов, предпочитавших мрак и тишину; они сражались не ради чести и славы, а за добычу.

В доме, тем не менее, переполошились. Мелькнул свет, на террасу выскочили два престарелых прислужника Хирталамоса с дубинками и факелами в руках; освещенные пламенем, они представляли собой отличные мишени. Конан не рассчитывал на их помощь, срубив еще одного бандита, киммериец стремительно вращал меч над головой, выбирая новую жертву.

В пылу сражения он не сразу заметил, что его оттеснили от калитки. На пять-шесть шагов, не больше, но этого хватило, чтоб две тени в широких плащах, возникшие слева, под восточной стеной, успели проскользнуть в загон. Сообразив, что любое число поверженных бандитов не компенсирует гибели петуха, Конан впервые подал голос. Рык его разорвал ночную тьму, и враги испуганно присели; последнее, что удалось им увидеть, - искаженное яростью лицо киммерийца, львиную гриву его волос, кровавые сполохи на клинке огромного меча. Затем все кончилось: две головы глухо стукнули о землю, две души улетели в вечный сумрак Серых Равнин.

Но был еще двое! Почти у самого входа, под факелом, торчавшим над воротами!

Снова взревев, Конан метнул свой меч и в один гигантский прыжок очутился у калитки. Рука сама нащупала веревку, сверкнуло отточенное лезвие крюка, свистнула холодная

сталь… Последний бандит молча рухнул у самого порога; крюк, словно огромная крабья клешня, засел у него в затылке. Его приятель, пораженный мечом в бок, еще корчился; Конан добил его одним ударом, вогнав меч поглубже.

Затем он вытер лезвие о плащ покойника и принялся собирать свои ножи и стаскивать трупы в одно место, укладывая их рядком вдоль изгороди. Десяток человек пал в битве за петуха; значит, шайка Сагара была обескровлена наполовину. Само по себе это являлось отличным результатом, но Конан не забывал и другое - то, что он заработал сегодня сотню золотых. Даже сто десять, если считать с платой за охрану… Не всякая ночь была для него такой прибыльной!

На террасе тем временем появилась тонкая женская фигурка, и, повинуясь ее жесту, престарелые слуги с дубинками исчезли. Нежный голосок коснулся слуха Конана; по акценту он понял, что говорит Лелия, белокурая гандерландка.

– Что случилось, страж? Мы слышали звон стали…

– Сталь уже отзвенела, госпожа. Можешь идти спать.

– Я боюсь… В доме лишь три женщины да два старика…

Три женщины, подумал Конан; надо утешить хотя бы одну. Вслух же он сказал:

– Клянусь Кромом, бояться нечего. Но если тебе не спится, прекрасная госпожа, мы можем посторожить вдвоем.

Раздался негромкий смех; похоже, Лелия была не так испугана, как хотела показать.

– Да, посторожим вместе… Сейчас я предупрежу, чтоб нам не мешали.

– Хорошая мысль, красотка, - пробормотал Конан. - А я тем временем проверю, что творится в курятнике.

Там было все спокойно; видать, звон стали тревожил птиц куда меньше, чем тоскующих жен старого купца. Конан оглядел кур, дремавших в своих гнездышках, и петухов, торчавших на насестах, потом сказал, обращаясь к Великолепному:

– Ну, парень, считай, тебе повезло. Спас я твоя поганую шкуру!

Петух злобно поскреб лапой и прохрипел:

– Кррр… кррр-ку!

– Не дождешься от тебя благодарности, рыжий ублюдок! - Конан сплюнул с досады. - Что за злобная тварь! А купец еще толковал, что на тебя взирает око светлого Митры! Митры, ха! Нергала, так будет верней!

Фиглатпаласар презрительно безмолвствовал. Конан, пожав плечами, обвел взглядом полутемную внутренность птичника, не видя сейчас ни кур, ни петухов; перед ним маячило соблазнительное тело Лелии, а в ушах звучал ее хрустальный голосок. Посторожим вместе, сказала она… Посторожим! - решил киммериец.

Но, памятуя о коварстве и хитрости Сагара Рябой Рожи, он собирался предпринять кое-какие меры. Осторожность еще никому не вредила, и Конан, руководствуясь этим мудрым правилом, взял с топчана кошму, набросил ее на Великолепного и, не обращая внимания на его протестующий хрип, сунул петуха под мышку. Затем он протиснулся к третьему насесту, отсчитал там седьмую из птиц, ухватил ее за ноги и сдернул с деревянной балки. На освободившееся место был водружен Фиглатпаласар, а почти неотличимый от него двойник посажен за загородку; дело не обошлось без гневного клекота, шипенья и ударов железных клювов, но глаза Конан ухитрился сохранить. Когда схватка с пернатыми закончилась, он, поминая то Крома, то Нергала, протер кровоточащие руки вином, а затем опрокинул остаток аргосского себе в глотку. Это лекарство мгновенно исцелило его, смыв не только следы

крови, но уничтожив и нервное напряжение - результат двух нелегких битв.

Прихватив клинок и пару метательных ножей, Конан отправился на террасу. Лелия уже ждала его, и все три свечи у женских покоев, а также лампады в доме, были потушены; вероятно, никто не собирался им мешать. Не считая, разумеется, головорезов Сагара; но киммериец полагал, что они получили хороший урок.

Обняв мягкое податливое тело Лелии, он прикинул, что в два десятка скачков успеет очутиться у курятника; впрочем, Фиглатпаласару опасность сейчас не грозила, ибо даже сам Митра не разобрал бы в полумраке, какой петух сидит в загородке. Подумав об этом, Конан перестал беспокоиться и предался радостям плоти.

Они длились нескончаемо, почти до самого рассвета, когда ночная тьма становится особенно густой, а сон - крепким и беспробудным. Конан, однако, не спал, ибо у него имелось более интересное занятие - столь увлекательное, что все петухи подлунного мира вылетели у него из головы. В жарких объятиях гандерландки он позабыл и о коварном Сагаре, и о золотых, обещанных за каждого бандита, и о том, что ночь - а, значит, и его служение - еще не кончились.

Но внезапно над двором и садом разнесся хриплый петушиный крик, а потом, вслед первому, загомонили и остальные птицы. То не было первым предрассветным кличем, звонким, чистым и торжествующим: такими воплями встречают не золотую зарю, но тайного врага.

Лелия задрожала.

– Что? Что там?

– Шакалы, - ответил Конан, хватаясь за меч. - Но не тревожься, малышка: ваш петух будет цел.

– Пропади он пропадом, этот петух! - раздраженно пробормотала гандерландка. - Чтоб он попал в клыки Аримана!

– Ну, нет, моя красавица! Мне платят за его кишки и хвост!

С этими словами Конан шлепнул женщину по тугому бедру и ринулся через темный сад. Он успел заметить тени, мелькнувшие на стене, но перед загородкой и птичником не было никого; сделав свое дело, люди Сагара удалились с благоразумной поспешностью. Петух, злополучный собрат Великолепного, был пронзен дротиком насквозь и уже перестал трепыхаться. Остальные птицы, испуская хриплые вопли, метались среди своих насестов, словно крылатые ночные вампиры у свежего трупа.

Решив, что нужно дать им время успокоиться, Конан растопил печь и принялся ощипывать петуха. После схватки с сагаровой шайкой да игр с прелестной Лелией он испытывал голод; разумеется, одной птицей, даже весьма упитанной, его не утолишь, но не пропадать же добру!

Расковыряв землю за печкой мечом, он бросил в яму рыжие перья и, не снимая тушку с дротика, пристроил ее над огнем. Петухи вроде бы угомонились; тогда, взяв кошму, Конан отсчитал седьмого на третьем насесте и призадумался. Тут была сотня птиц, и только последний дурак мог рассчитывать, что Фигля Великолепный возвратился на прежнее место, чтобы отдаться в руки своему нерадивому стражу. С другой стороны, драгоценный петух был жив и скрывался сейчас в этой рыже-золотистой стае, а значит, конанов наниматель не понес никакого ущерба. Несомненно, старый Хирталамос, разбиравшийся в петухах куда лучше Конана, сумеет отыскать свое сокровище…

С этой мыслью киммериец еще раз оглядел ряд деревянных балок. Все восседавшие на

них петухи казались ему братьями-близнецами, все грозно топорщили гребни и распускали хвосты, все взирали на него с одинаковой злобой и без малейшего следа благодарности. Помянув пасть Нергала, он сгреб ближайшего за лапы и сунул в клетку; потом вплотную занялся жарким. Мясо еще не поспело, но он был голоден и не стал ждать.

Когда петушиные кости упокоились рядом с перьями, Конан забросил ямку землей и довольно хмыкнул. Теперь он относился к золотистым офирским петухам с гораздо большей симпатией: хоть их породу и считали бойцовой, на кулинарных достоинствах это не сказывалось. Мясо было ароматным и мягким, сочным и нежным, словно у цыпленка, так что Конан невольно пожалел, что не догадался сунуть в клетку сразу двух или трех петухов.

"Впрочем, это можно исправить", - подумал он, с жадностью озирая ряды замерших на насестах птиц. Но тут они встрепенулись, задрали головы кверху, встопорщили перья, раскрыли клювы, и грянул звонкий петушиный хор. Разгорался рассвет; ночь отступила, а вместе с ней - искушение, терзавшее киммерийца.

* * *

Днем он снова повстречал Сагара; на сей раз не в кабаке, а рядом с дворцом благородного Пирия Флама. В этих богатых кварталах Конан бывал не раз - к великому горю их обитателей, - но теперь ему хотелось освежить воспоминания. А заодно полюбоваться на Рябую Рожу, потерпевшего минувшей ночью столь значительный ущерб.

Они столкнулись нос к носу у ворот роскошного фламова дворца и уставились друг на друга с ехидными ухмылками. У обоих причина веселости была одной и той же: каждый числил себя в победителях.

– Говорят, - молвил Конан, лаская рукоять меча, - прошлой ночью кто-то выпустил кишки из десятка твоих мерзавцев?

– Ха! Мерзавцы и есть! Такого мусора я наберу за утром на любом из шадизарских базаров! - Сагар небрежно повел рукой. - А вот поговаривают еще, будто с петушком Хирталамоса приключилось несчастье? То ли он когти отбросил, то ли клюв проглотил… Спекся, одним словом!

– Спекся, - подтвердил Конан и погладил себя по животу. - Спекся, да не тот! Того, говорят, на другую жердочку пересадили. И пребывает он сейчас в добром здравии, точит шпоры да клюет зерно. Демон, а не петух! Такого дротиком не прошибешь!

Лицо Сагара перекосилось.

– Враки! - пробасил он. - Враки! Киммерийские сказки!

– Ты хочешь сказать, что я лгу? - Конан до половины вытащил меч. - Ну, проверить легко: сейчас ты расстанешься с печенью, а ночью я скормлю ее петуху. Приходи, сам поглядишь! Убедишься, тот петух или не тот!

Рябая Рожа, опасливо поглядывая на конанов клинок, отступил к воротам, где стояли четыре стража в броне, с копьями и щитами. За спинами их простирались обширный двор и сад, раз в пять побольше, чем при дворе Хирталамоса, а в углу, за деревьями, виднелся птичник, но не из желтого кирпича, а из тщательно отлакированных, покрытых резьбой кедровых брусьев. Не птичник, а дворец, решил Конан, прикидывая, что одна лишь дорогая

древесина обошлась Фламу в целое состояние.

Сагар, с хитрым видом уставившись на него из-за спин латников, прошипел:

– Значит, ошибка с петушком вышла, так? Ну, ничего, ее мы исправим! Сегодня ночью гляди в оба, киммериец! И не рассчитывай добраться до моей печенки!

– Я передумал, - ухмыльнулся Конан. - На кой сдалась мне твоя печень? Кром ее в жертву не примет, а петух, склевавши по глупости, издохнет… Поганец ты, рябой ублюдок, и печень у тебя поганая!

С этими словами он развернулся и зашагал вдоль дворцовой стены в переулок, куда выходили хозяйственные постройки усадьбы Пирия Флама. Стена и здесь была высока, но Конан убедился, что при нужде залезет на нее вмиг; а там и до курятника нетрудно добраться.

"Красивое строение, - подумал он, - дерево да резьба… Хорошо будет гореть!"

* * *

Второй ночью он опять устроился у клетки петуха, на сей раз безымянного, но такого же заносчивого и злого, как Фиглатпаласар Великолепный. Поглядывая на него и время от времени освежаясь из кувшина аргосским, Конан размышлял о том, как подобная тварь - пусть с опереньем хоть из чистого золота! - может снискать милость Митры. И не только снискать, но и поделиться ею с каким-нибудь старым козлом вроде Хирталамоса или Пирия Флама, который тоже был в немалых годах и весьма нуждался в телесной крепости и женской любви! Не говоря уж об удаче в делах…

Однако Конану казалось, что Митра слишком щедр к владельцу петуха-победителя; Солнцеликий вполне мог бы ограничиться единственной милостью, а не рассыпать их целыми пригоршнями. Или предложить на выбор что-то одно - удачу, здоровье или любовь… А так получалось, что все эти благодеяния мог купить каждый, способный выложить тысячу золотых за редкостного петуха! Несправедливо, думал Конан, поглядывая то на птичью клетку, то на террасу, где в серебряном подсвечнике опять горели три свечи. Но Лелия, белокурая гандерландка с нежным телом и мягкими губами, не показывалась; может, устала прошлой ночью, а может, ждала какого-то знака.

Не позвенеть ли сталью о сталь? Не попугать ли красотку? - мелькнуло у киммерийца в голове. Но тут он вспомнил о хитрой ухмылке Сагара, о его угрозах и обещании исправить ошибку с петушком. Пожалуй, решил Конан, в эту ночь Рябая Рожа мог выкинуть любой сюрприз, так что лучше не предаваться мечтам о Лелии, а готовиться к драке. Он проверил свои ножи, свой крюк с веревкой и свой клинок, мысленно прикидывая размеры вознаграждения - в том случае, если удастся уложить всю сагаровую банду. Сумма получалась немалой, что привело Конана в приятное расположение духа.

Ночь, однако, тянулась с бесконечной томительностью. Он выпил все вино, потом вышел во двор поразмяться и начал шагать вдоль загородки птичника - сотня локтей на восток, затем столько же на запад. Все было тихо и спокойно; луна серебряным щитом висела над темными копьями кипарисов, петухи и куры спали, небесная сфера, знаменуя середину ночи, прошла половину оборота. Конан собирался уже возвратиться на свой пост у

клетки, но тут на террасе, рядом с женскими покоями, раздался шорох; затем свечи в серебряном шандале разом погасли, словно их задуло порывом свежего ветерка.

Но воздух, теплый и тихий, был неподвижен, как вода в глубоком колодце. Конан, мучимый подозрениями, прислушался, затем обнажил клинок и, ступая с осторожностью пантеры, учуявшей добычу, стал красться к террасе. Вполне возможно, размышлял он, что сагаровы прихвостни проникли в дом, по-тихому придушили слуг, а с ними заодно и женщин; такие душегубы пойдут на все, лишь бы добраться до петушиного хвоста! Зарежут Лелию и двух остальных красоток, подожгут хоромы Хирталамоса и, когда начнется паника, забросают курятник факелами… В конце концов, сам он не отказался бы от такого плана, если б не сумел придумать чего-то получше; значит, и Сагар мог пойти на крайние меры.

Призрачным клочком мрака Конан взметнулся по ступеням, ожидая вот-вот услышать грозное шипенье огня. Взор его пронизывал тьму, клинок лежал на плече, пальцы сжимали рукоять, могучие мышцы напряглись, готовые нанести или отразить удар. Но дом пребывал в покое; только в дальнем конце террасы смутно маячила чья-то фигурка, слишком маленькая и хрупкая, чтоб представлять опасность. Конан ринулся к ней, вздымая меч, но тут нежные ладошки коснулись его нагой груди, а над ухом прозвучал негромкий смех.

– Твоя убивать бедный девушка? - спросила кхитаянка То-Ню, лаская плечи киммерийца. - Зачем убивать? Девушка, она совсем для другого. Девушка - любить, не убивать!

Конан воткнул клинок в ближайшее ложе и поднял То-Ню на руки. Кхитаянка оказалась легче макового лепестка, но он чувствовал кожей и губами, что все положенное было при ней. И ничуть не хуже, чем у белокурой гандарландки, хоть и не такое пышное да зрелое!

Он поцеловал ее и сказал:

– Ты шустрая малышка. А где твоя подруга? Тоже шустрая, со светлыми волосами?

– Она быть вчера, - хихикнув, объяснила кхитаянка. - Вчера быть светлый волос, сегодня - темный.

– А завтра? - спросил Конан.

– Завтра - рыжий.

Конан снова поцеловал ее, размышляя о том, что жены старого Хирталамоса, видно, привыкли делить все поровну. Вот и его поделили! Но он ничего не имел против. Светлый волос, темный волос, рыжий волос… Ну и прекрасно! Разнообразие украшает жизнь!

То-Ню постаралась его в этом убедить - со всей страстью и жаром истосковавшейся по ласке женщины. Прошла середина ночи, небесная сфера повернулась еще на четверть оборота, но ничто не нарушило покоя и тишины; лишь сладкие стоны звучали во тьме да звуки поцелуев. Не слышались воровские шаги, не гремела сталь, не свистели дротики и ножи, не трещали ветви, не царапал о стену железный крюк; петухи тоже безмолвствовали - до поры до времени.

Когда они заорали, То-Ню взвизгнула от неожиданности, а Конан вскочил, будто подброшенный пружиной. С проклятьем он промчался через сад, с мечом в одной руке и ножом в другой, преодолел калитку и ворота, прыгнул внутрь курятника и склонился над клеткой. Вся она была усеяна перьями и залита кровью, а у головы его, уже изгрызенной острыми зубами, приник к земле гибкий зверек с коричневатой шкуркой. Глаза его сверкали, пасть была полуоткрыта и, судя по всему, он не собирался уступать добычу без боя.

Одним стремительным ударом Конан проткнул хорька и огляделся. Куры в панике прыгали среди корзинок-гнезд, петухи вопили, хлопая крыльями - не то рвались в битву, не

то призывая на помощь. Убитый зорь, очевидно, пожаловал сюда не один, а с целой компанией; и Конан, сообразив, что дело плохо, бросил меч, схватил факел и принялся осматривать птичник. Его тяжелый длинный клинок был почти бесполезен против увертливых зверьков, но метательные ножи разили без промаха; рассвет еще не наступил, а на земле уже валялось с полдесятка маленьких кровопийц. Остальные, скорей всего, сбежали, ибо птичий гвалт смолк, и петухи, один за другим, принялись опускаться на свои насесты.

Конан вытащил мертвых хищников за изгородь и швырнул их рядом с трупами людей Сагара. Пестрая пошла жизнь, промелькнуло у него в голове: вчера - шакалы, сегодня - хорьки… вчера - светлый волос, сегодня - темный… Он пнул хорьков ногой, соображая, сколько спросить с Хирталамоса за голову. С одной стороны, по своим скромным размерам хорьки на десять золотых не тянули; с другой, в птичнике эти зверюшки были куда опаснее людей.

Так и не решив этой проблемы, киммериец вернулся к клетке, очистил ее от перьев и крови, достал тело погибшего доблестной смертью бойца, а на его место посадил нового, первого попавшегося. Быть может, этот как раз и был Фиглей Великолепным - во всяком случае, Конану он показался ничем не хуже офирского сокровища ценою в тысячу золотых.

Потом киммериец задумчиво оглядел петуха с перегрызенной глоткой. Этот вряд ли являлся Фиглатпаласаром, так как самому великому бойцу петушиного племени полагалось бы совладать с хорьком; пусть не прикончить его, но оборониться.

– Ну, а коли не оборонился, пожалуй на вертел, - пробормотал Конан, протыкая петуха обгоревшим дротиком.

Он высек огонь, растопил печь и, ощипывая птицу, принялся размышлять о грядущем дне - вернее, о грядущей ночи. Хорьки, шакалы, две женщины, два петуха… Что будет на третье? Этот вопрос пока оставался туманным, если не считать намеков То-Ню относительно рыжеволосой Валлы. На сей счет Конан мог быть спокоен; но какую каверзу приготовит ему Сагар? Возможно, не стоит дразнить рябого… Пусть думает, что стая хорьков расправилась со всеми курами и петухами Хирталамоса… Пусть сейчас торжествует победу, получает с Пирия Флама обещанную мзду, а там посмотрим!… Поглядим, что случится в рахават!

Конану однако представлялось, что выход сей не для него; он не привык к уступкам, а хитростям предпочитал добрый удар клинка. Сегодня, как и прошлой ночью, он вышел победителем; он поспел вовремя, он отразил атаку, он выиграл и не собирался скрывать своего торжества. Тем более, что нападение оказалось подлым! Да, подлым! И Сагар вместе с Пирием Фламом еще поплатятся за это!

Задумавшись о планах мести, он едва не спалил свое жаркое. Тушка подгорела с одного бока, а с другого выглядела сыроватой, но такие мелочи Конана не смущали; вцепившись крепкими зубами в птичью грудку, он вырвал кусок, быстро и жадно прожевал, откусил снова. Вскоре от петуха осталась лишь горстка костей да две голенастые, дочиста обглоданные ноги. Мясо у него было таким же сочным и нежным, как у вчерашнего.

* * *

Конан распростерся на крыше, у самого потолочного люка, упираясь в его закраину подбородком. Внизу, в длинном сарае, сложенном из кедровых бревен, мирно дремали куры и петухи; меж петушиными насестами и гнездами кур стояли пара топчанов да печка, за которой, в полутьме, у задней стены, виднелось несколько клеток. Вся эта обстановка почти не отличалась от курятника достойного Хирталамоса, в котором Конан просидел две прошлые ночи. Разница была лишь в том, что на топчанах тут расположились трое - все в темных плащах, с откинутыми на спину капюшонами. Хотя сверху Конан видел лишь шеи да макушки сторожей, узнать их не составляло труда. Басистый голос выдавал Сагара, отсутствие ушей - Безухого, а черная повязка, закрывавшая выбитый глаз, - Кривого. Что касается Рваной Ноздри, то он недавно покинул Шадизар; хоть тело его пока что оставалось здесь, в ряду прочих тел у загородки хирталамосова курятника, но дух уже странствовал по Серым Равнинам.

Впрочем, Конан не вспоминал сейчас о битвах, случившихся вчера и позавчера; он ведь обратился в слух, внимая словам Сагара Рябой Рожи. Его тощий соперник был гневен и распекал своих помощников.

– Мешки с дерьмом шелудивой свиньи, вот кто вы! - раздраженно бурчал он. - Провалили дело, ублюдки! Сказал же вам: остаться и проследить! А вы сбежали, как трусливые крысы!

– Кто ж мог догадаться, что так выйдет, - произнес Безухий. - Этому киммерийскому козлу дарована Белом резвость блохи! Да что там блохи - он целую стаю блох обскачет! Сам посуди: выпустили мы восьмерых хорей… Долгое ли дело им передушить с полсотни петухов? Однако ж не вышло…

– Выпустили восьмерых! Не вышло!… - передразнил Рябая Рожа.

– Если вы, недоумки, побоялись там остаться, надо было выпустить пятьдесят! По одному на каждого петуха!

– Где ж их возьмешь-то, пятьдесят? - хрипло возразил Кривой.

– Так ведь теперь взяли! - Сагар пихнул ногой объемистый мешок, валявшийся на полу у топчана. В мешке что-то зашевелилось, зафырчало.

– Ну, не полсотни же, - Кривой почесал в затылке. - Всего два десятка и еще три… Все окрестные усадьбы обегали, чтоб мне больше вина не пить!

Ого! - подумал Конан. Вчера было восемь хорьков, а сегодня, значит, будет втрое больше! Вовремя он сюда заявился…

Чуть повернув голову, киммериец взглянул на небеса. Вечерняя заря отгорела, но месяц висел еще низко, только собираясь пуститься в свою дорогу среди сверкающих звезд; вся ночь была впереди - третья ночь, последняя перед праздником рахавата. Еще вчера Конан решил использовать ее с толком: не оборонятся, но атаковать. Вернее, поразведать, что замышляет коварный Сагар, а затем действовать по обстоятельствам.

В сумерках он залез на высокую стену усадьбы Пирия Флама, забрался без веревки и крюка, заполз как ящерица-геккон, цепляясь пальцами за камни, используя каждую трещину и щель. Плоская кровля птичника вплотную примыкала к стене, и Конан скользнул на нее, словно призрак, невидимый среди вечерних теней. Петухи - сторожкое и чуткое племя, но киммериец их не обеспокоил; под его ногами не скрипнула ни одна доска, ни единая черепица. Пригибаясь, он двинулся по крыше вдоль наружной стены, заглянув в несколько отверстий-продухов и залег у центрального, рядом с печной трубой. Отсюда он слышал и

видел все - и Сагара с его подручными, кои сидели внутри, и стражников Пирия Флама, дежуривших снаружи, у дворцовых ворот.

О Фламе сейчас и шла речь внизу.

– Хозяин недоволен, - пробасил Сагар. - Плачу, говорит, деньги, отсыпаю звонкую монету, а толку с вас что с вшивых псов! Пьете, жрете - и все!

– Какой он нам хозяин, - прохрипел Кривой. - Мы - люди вольные…

– Кто платит, тот и хозяин! - оборвал сподвижника Сагар. - А Флам, протухшая задница, не скупится!

Сколько ж он им обещал? - мелькнуло у Конана в голове. Немалые деньги, судя по всему! Впрочем, сколько не дашь за божеские милости, все мало! В который раз ему припомнились речи Хирталамоса: мол, кто пообедает петухом-победителем, тот станет крепок, удачлив в делах и любим женщинами.

Рябая Рожа тем временем продолжал:

– Сегодня - последняя ночь, и, клянусь Белом, все должно пройти как по маслу! Отправимся, когда месяц будет в зените… Ты, Безухий, и т, Кривой, поведете людей. Заберетесь на стены с двух сторон и поразвлекайтесь с киммерийцем… хорошо поразвлекайтесь, чтоб он, козел прыткий, по всему саду бегал!

– А ты? - спросил Безухий. - Ты чего делать будешь?

– Я-то? Я запущу хорьков да пригляжу, чтоб ни единый петушок после них не кукарекал!

– Вот что, - сказал Безухий после недолгого раздумья, - лучше вы с Кривым развлекайте киммерийского козла, а я займусь хорьками.

Безухий потянулся к шевелящемуся мешку, но Сагар сильно стукнул его по руке.

– Слушай сюда и пасть не разевай! Забыл, кто тут главный? Для вас, крысиная моча, мое слово - слово Бела! А не хватит слова… - Рябая Рожа выдержал паузу, коснувшись ладонью клинка. - Будет, как я сказал! Вы поведете людей, я потащу хорьков! И вот что еще…

Он протянул свои длинные тощие руки и, обхватив затылки Кривого и Безухого, пригнув их поближе к себе; потом начал что-то вполголоса шептать. Что именно, Конан не разобрал, да и не очень интересовался, пребывая в полной уверенности, что ни один из трех бандитов из фламова курятника не выйдет. Момент для атаки был вполне подходящий: сейчас он видел прямо под собой три грязные шеи, три растрепанные макушки да две пары ушей.

Киммериец зацепил крюк о закраину продуха, сжал покрепче веревку и стремительно скользнул вниз. Попал он как раз туда, куда нацелился: уселся на плечи Сагару, стиснув ему шею коленями. Затем опустились два огромных кулака, и Безухий с Кривым в полном молчании стали валиться на землю. Конан аккуратно придержал их - так, чтобы никого не потревожить шумом упавшего тела. Рябая Рожа под ним сложился вдвое, но тоже не издавал ни звука - гранитные колени Конана не позволяли ему вздохнуть, не то что пикнуть.

Прошло некоторое время - вполне достаточное, чтоб осушить чашу с вином. Киммериец выпустил свою жертву, поднялся на ноги, бросил презрительный взгляд на лицо Сагара и усмехнулся.

– Был ты рябой рожей, а стал багровой, - буркнул он, осматривая внутренность птичника.

Тишина, покой, полумрак… Вроде бы молниеносная расправа с тремя бандитами никого не встревожила. Куры и петухи дремали, стража по-прежнему торчала у ворот, в дворцовых окнах не виднелось ни единой искорки света. Довольно кивнув, Конан вынул из кольца при двери факел и направился к задней стене, к клеткам.

Тут ему пришлось столкнуться с неожиданностью: избранных петухов было целых пять. Обеспокоенные светом, они сонно вертели головами, развевали клювы, топорщили перья и алые гребни. Эти гребни и привлекли внимание Конана: у четырех петухов они были мясистыми, сочными, налитыми кровью, тогда как у пятого от роскошного гребешка остался жалкий огрызок. Этот пятый был заметно покрупнее остальных, с очень острыми шпорами и клювом, какого не постеснялся бы им коршун; голенастые ноги его показались Конану на два пальца длинней, грудь - шире, а сверкание глаз - яростней, чем у прочих.

Но главное - хвост! Хвост! С обломанными и выщипанными перьями, лишившийся былой красоты и блеска, он все-таки воинственно реял над петушиной спиной - точь-в-точь как вымпел на копье бравого аквилонского рыцаря. Любой мог догадаться, что хвост сей принадлежит не бездельнику, что способен лишь топтать кур да клевать зерно, а великому дуэлянту, одному из лучших воинов петушиного племени, растерявшему в сраженьях перья и пух, но никак не боевой пыл и силу.

Конан покачал головой. Он сам был воином и понимал, что против такого бойца Великолепный не имеет шансов. Да будь он хоть трижды лучшим в Ианте, эта свирепая тварь с кургузым гребешком превратит его в кровавую груду перьев! Сделает из Фиглатпаласара Фиглю!

Странно, мелькнула мысль, на что же рассчитывал Хирталамос? Опытный человек, знаток боевых петухов офирской породы? Почему он выбросил на ветер столько денег? Тысячу золотых! Ради того, чтоб выставить жалкого петушка против закаленного в боях ветерана - и проиграть? Или жажда божественных милостей и ненависть к Пирию Фламу застили старому лису глаза?

В недоумение покачав головой, Конан склонился над клеткой и единым махом свернул Нидерлагу Неутомимому шею. Потом, сунув птицу за пазуху, он поднял факел и в раздумье наморщил лоб. Собственно говоря, он намеревался совершить обмен - взять одного петуха и оставить Пирию Фламу другого, красивого и жгучего. Но петухи и куры - тоже творения Митры, и хоть большей частью предназначены они для котла и вертела, кухонный нож сулил им все-таки более милосердную смерть, чем огонь. Конан чувствовал, что не может принести такую страшную погибель десяткам безвинных тварей. Хватит с него и Нидерлага! За Нидерлагом тоже не было вины - кроме той, что принадлежал он Пирию Фламу.

Итак, Конан решил, что тут ему больше нечего делать и, прихватив мешок с хорьками, вознесся по веревке наверх, перелез через стену и отправился на свой пост. По пути он бросил мешок в колодезь неподалеку от дворца Пирия Флама. Очистив таким образом руки и душу, киммериец взглянул на небо, убедился, что луна стоит еще совсем низко, и без особой торопливости покинул кварталы, где селилась шадизарская знать. Вскоре он добрался до дверей Хирталамоса, кивнул старому слуге-привратнику и, минуя череду погруженный во мрак комнат, прошел на террасу, а затем - к бассейну. Туника его намокла от крови петуха, но не успел Конан раздеться и плеснуть на плечи воды, как за окнами женских покоев раздался шорох.

– Позавчера был светлый волос, вчера - темный, сегодня - рыжий, - пробормотал он и направился к террасе.

…Спустя немалое время, уже перед самой утренней зарей, Конану все же удалось добраться до курятника. Памятуя о том, что Митра троицу любит, он ощипал Нидерлага, насадил его на обгоревший дротик, поджарил и съел. Но этот петух, не в пример двум первым, оказался столь жестким и жилистым, что каждый проглоченный кусок киммерийцу

пришлось запивать добрым глотком вина.

К счастью, у него был непочатый кувшин аргосского, так что сражение с Нидерлагом Неутомимым Конан все-таки выиграл.

* * *

Хирталамос заявился с рассветом.

Туранские всадники уже не сопровождали его, покинув караван за городскими воротами, и только четверо дюжих немедийцев да двое доверенных слуг прошли за купцом на террасу, спустились по ступенькам и сопроводили своего господина в сад. В руках немедийцев покачивались носилки с довольно большим ящиком полированного дерева; в нем, вероятно, и находился тот дорогой товарец, за коим Хирталамос ездил в Аренджун. Носилки были оставлены у ближайшего фонтана, слуги и стража, повинуясь нетерпеливому жесту хозяина, удалились, а купец, вытряхивая дорожную пыль из бороды, устремился прямиком в курятник.

– Ну как, сын мой? В прибылях мы или в убытке?

– И в том, и в другом, - сказал Конан. - Прибыль у нас - тринадцать покойников, а убыток - две петуха. Однако не беспокойся: твой драгоценный Фигля жив и здоров.

Хирталамос, остановившись на пороге, дважды пересчитал тела, лежавшие в ряд за изгородью.

– Тут я виду только десятерых, о гнев Аримана!

– Трех я отправил к Нергалу из другого места. Прямиком из усадьбы Флама, прошлым вечером.

– О! - глаза купца удивленно округлились. - Так ты и там побывал!

– Само собой. Один раз сагаровы ублюдки подбросили мне хорьков, а в другой раз не успели - ублюдков я задавил, а хорьков - утопил. И было их, для ровного счета, тридцать. Да, тридцать, клянусь Кромом! Этих зверюг тебе тоже придется оплатить. Они стоили мне два кувшина крови.

– По три золотых пойдет? - прищурился Хирталамос.

– По пять, - буркнул Конан. - Два кувшина крови, говорю тебе! Такие увертливые твари!

– Хорошо, пусть будет по пять, - со вздохом произнес купец и, вытащив из-за пояса кошель, принялся отсчитывать монеты, выкладывая и на печку. Сто тридцать за Сагара с помощниками, сто пятьдесят за хорьков, тридцать за ночное бдение… Конан, следивший недреманным оком за блестящими золотыми кругляшами, напомнил:

– Двадцать пять забери назад. Лишнего мне не надо. Потом, пересыпав монеты в свой кошелек, сунув его за пояс и ощущая приятную тяжесть золота, он сказал,

– Недешево тебе обошелся этот Фигля! Тысячу золотых, да еще мне больше трех сотен! Не стоит он таких денег, почтенный. Вот Нидерлаг - другое дело! По виду, тот был крепким бойцом.

– Был? - брови Хирталамоса изумленно приподнялись. - Как - был? Куда он делся?

– Сюда, - Конан похлопал себя по животу. - Что ж ты думаешь, я наведался к Фламу из-за одних хорьков да Рябой Рожи с его ублюдками?

Все еще с удивление тряся головой, купец проследовал к загородке и установился на сидевшего там петуха.

– Это не твой Великолепный, - предупредил Конан. - Пришлось подменить, чтоб не пришибли ненароком. Фигля там, - он махнул рукой в сторону восседавших на балках петухов. - Хочешь, поищем вместе.

Но Хирталамос только махнул пухлой рукой да улыбнулся. - Нет нужды, сын мой. Идем, я покажу тебе настоящего Фиглатпаласара Великолепного, красу и гордость Ианты! Идем, муж доблести!

Киммериец, ожидавший чего-то в этом роде, последовал за хозяином к фонтану, к носилкам и ящику. Сверху ящик был прикрыт частой бамбуковой решеткой, позволявшей заглянуть внутрь; в высоту он достигал половины человеческого роста и казался немногим меньше в ширину.

Склонившись над ним, Конан узрел крупного петуха, разительно сходного с покойным Нидерлагом. У этого, правда, гребень был целым, но перьев в хвосте осталось поменьше, на левой лапе белел давний шрам, а на боку, у крыла, имелась пролысина величиной с шадизарский медяк. Петух был явно утомлен путешествием, но глядел воинственно и грозно - хоть сейчас в бой! И Конан с невольной жалостью подумал, что в Шадизаре достойного соперника этому забияке уже не найдется.

– Вот! - сказал Хирталамос, с гордостью простирая руку к своему сокровищу. - Вот он-то и стоит тысячу золотых! Его в тайне привезли из Ианты в Аренджун, куда я и отправился с надежной охраной, оставив в клетке подменыша… - Тут купец встрепенулся, оправил бороду и с тревогой уставился на Конана. - Надеюсь, лев среди львов, ты не в обиде? Не думаешь, что я тебя обманул?

Киммериец пожал плечами.

– Кром! Мне все равно, какого петуха стеречь! За три ночи я съел троих, получил триста монет, выпил три кувшина вина и… - он прикусил язык, чтобы не сболтнуть о купеческих женах, и закончил, - мы в полном расчете, почтенный! Хочу лишь сказать тебе, что полакомиться этой тварью, - Конан хлопнул ладонью по бамбуковой решетке, - будет нелегко. Зубы обломаешь и челюсть свернешь! Дорогой петушок, да жилистый!

– Но все же я его съем, когда он одержит победу, - Хирталамос жадно уставился на своего петуха. - Схем и милость Митры пребудет со мной! Светлый бог дарует мне телесную крепость, удачливость в делах и любовь женщин! Не так уж мало, а? Ради этого стоит поработить зубами над жилистым петухом… как ты полагаешь, сын мой?

– Конечно, - с усмешкой согласился Конан, - конечно.

Он ощупал тяжелый кошелек у пояса, потом бросил взгляд в сторону женских покоев, на трепетавшую в окне занавеску, из-за которой взирали на него голубые очи Лелии, черные - То-Ню, изумрудные - рыжей Валлы. Возможно, один из съеденных киммерийцем петухов тоже являлся дарующим счастье избранником Митры - либо петухи тут были совсем ни при чем, а правили жизнью Конана судьба, рок и случай, столь же подвластные Солнцеликому, как все птицы, рыбы и звери, как все петухи на земле. И, по всемогущему ли случаю, по велению судьбы или по милости рока, но был Конан прежде и теперь крепок телом, удачлив в делах и любим женщинами.

Достойно ли это удивления? Нет, безусловно нет! Ибо Митра - мудрый властелин; если уж он пожелает явить расположение смертному, то не заставит его давиться жилистым петухом.